

УДК 341.1/8

DOI: 10.34670/AR.2026.20.88.080

## **Правовые основы имплементации международных договоров в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ с Республикой Казахстан**

**Иржанов Алимжан Самигуллаевич**

Кандидат юридических наук,  
главный специалист Центра публичного законодательства  
и государственного управления  
Института парламентаризма,  
010000, Республика Казахстан, Астана, ул. Абая, 43;  
e-mail: alimzhany@mail.ru

### **Аннотация**

В статье проводится анализ правовых основ имплементации международных договоров в Российской Федерации с учетом конституционных поправок 2020 года и действующего законодательства. Цель исследования заключается в выявлении особенностей правового регулирования имплементации международных договоров в Российской Федерации и проведении их сравнительно-правового анализа с Республикой Казахстан. Автор исследует трансформацию соотношения международного и национального права в российской правовой системе, уделяя особое внимание новому конституционному механизму проверки исполнимости решений международных органов. Проводится сравнительно-правовой анализ с Республикой Казахстан, в том числе с учетом новой Конституции РК 2026 года, что позволяет выявить общие тенденции и национальные особенности регулирования. Научная новизна исследования заключается в сопоставлении обновленных конституционно-правовых основ имплементации международных договоров в Российской Федерации и Республике Казахстан с учетом последних реформ.

### **Для цитирования в научных исследованиях**

Иржанов А.С. Правовые основы имплементации международных договоров в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ с Республикой Казахстан // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 665-673. DOI: 10.34670/AR.2026.20.88.080

### **Ключевые слова**

Имплементация, международные договоры, Конституция РФ, поправки 2020 года, Конституция РК 2026 года, монизм, дуализм, ратификация, правовая система.

## Введение

Проблема имплементации норм международного права во внутренний правовой порядок государств относится к числу фундаментальных в современной международно-правовой науке. Под имплементацией международных договоров в широком смысле понимается комплекс правовых и организационных мер, направленных на обеспечение реализации международных обязательств государства во внутреннем правовом порядке. В узком смысле имплементация представляет собой процесс трансформации международно-правовых норм в национальную правовую систему.

В доктрине международного права традиционно выделяются две теоретические концепции соотношения международного и внутригосударственного права - монизм и дуализм. Монистическая концепция, (в трудах Г. Кельзена и Г. Лаутерпахта и др.), рассматривает международное и внутригосударственное право как составные элементы единой правовой системы, а также в рамках данной концепции международному праву отводится приоритетное положение по отношению к национальному праву. Дуалистическая концепция (в трудах Г. Трипеля, Д. Анцилотти и др.) рассматривает международное и внутригосударственное право как самостоятельные и обособленные правовые системы [Kelsen, 1952; Triepel, 1899]. Для государств, придерживающихся дуалистического подхода, вступивший в силу международный договор не становится частью национального права автоматически. Для реализации его положений во внутригосударственной правовой системе требуется принятие специального законодательного или административного акта, придающего соответствующим договорным нормам действие во внутреннем правовом порядке [Осминин, 2018].

Современные государства, как правило, придерживаются умеренных вариантов обеих концепций, формируя смешанные системы. Российская Федерация и Республика Казахстан традиционно закрепляли открытость к международному праву, однако в современных условиях оба государства демонстрируют тенденцию к усилению роли государственного суверенитета в вопросах применения норм международного права. Это обуславливает актуальность сравнительного исследования их правовых систем.

Научная новизна данной работы состоит в сравнительно-правовом анализе имплементационного законодательства России и Казахстана с учетом новых конституционных преобразований в обоих государствах (поправки к Конституции РФ 2020 года и новая Конституция РК 2026 года).

## Основная часть

Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила в части 4 статьи 15 принцип, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [Конституция РФ, 1993]. При наличии коллизии между нормами международного договора и нормами закона применяются правила международного договора.

Данная норма представляла собой классический пример умеренного монизма с приоритетом международного договорного права над внутренним законодательством. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П [Постановление КС РФ № 21-П, 2015] впервые сформулировал позицию о возможности неисполнения решений Европейского суда по правам человека, если они противоречат Конституции РФ.

Вместе с тем до 2020 года конституционная формула части 4 статьи 15 оставалась неизменной, а ее толкование определялось преимущественно судебной практикой, в первую очередь - решениями Конституционного Суда и постановлениями Пленума Верховного Суда.

Конституционные поправки, принятые в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, внесли принципиальные изменения в регулирование вопросов соотношения международного и национального права. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ [Закон РФ о поправке к Конституции № 1-ФКЗ, 2020] ввел ряд новых норм, существенно трансформирующих имплементационный механизм.

Ключевым нововведением стала часть 5.1 статьи 125 Конституции РФ, наделившая Конституционный Суд полномочием разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров. Конституционный Суд вправе признать такое исполнение невозможным, если соответствующее решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации. Теоретическое обоснование данного подхода ранее было разработано Председателем Конституционного Суда В.Д. Зорькиным в концепции конституционной идентичности [Зорькин, 2017].

Не менее значимой является новая статья 79 Конституции РФ, согласно которой решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в России. Данная норма закрепила в тексте Конституции тот подход, который ранее был выработан Конституционным Судом в судебной практике.

Важно подчеркнуть, что поправки 2020 года не изменили части 4 статьи 15 Конституции РФ: приоритет международных договоров над национальными законами сохранился. Вместе с тем, следует отметить, что введение конституционного «фильтра» в виде контроля Конституционного Суда над исполнимостью решений международных органов фактически создало двухуровневую систему имплементации: первый уровень - автоматическое применение норм международных договоров (часть 4 ст. 15 КРФ), второй уровень - избирательное исполнение решений международных органов с возможностью конституционного блокирования (ст. 79, ч. 5.1 ст. 125 КРФ).

С учетом конституционных поправок 2020 года механизм взаимодействия международного и национального права в России может быть охарактеризован как двухуровневая система. На уровне нормативной имплементации сохраняется традиционный монистический подход, обеспечивающий включение международных договоров в национальную правовую систему. На уровне институциональной имплементации действует особый конституционный механизм контроля, выполняющий функцию «суверенного фильтра» и предотвращающий исполнение международно-правовых норм, противоречащих Конституции Российской Федерации [Красиков, 2021].

Специальным нормативным актом, регулирующим порядок заключения, исполнения и прекращения международных договоров Российской Федерации, является Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации». Закон устанавливает классификацию международных договоров по уровню их заключения (межгосударственные, межправительственные, межведомственные), а также определяет порядок их ратификации, официального опубликования и применения. Согласно статье 5 указанного Закона, положения международных договоров Российской Федерации, не требующие издания

внутригосударственных актов для их реализации, подлежат непосредственному применению.

В случаях, когда для исполнения договора необходимо принятие внутренних правовых актов, такие акты подлежат изданию в установленном порядке. Механизм трансформации международно-договорных норм во внутреннее право России включает следующие способы: рецепцию (непосредственное применение норм договора), инкорпорацию (внесение изменений в действующее законодательство) и отсылку (ссылку нормативного акта на международный договор).

Помимо Конституции Российской Федерации и Федерального закон «О международных договорах Российской Федерации», механизм имплементации международных договоров в Российской Федерации формируется разветвленной системой отраслевого законодательства. В частности, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 13 АПК РФ) и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 11 ГПК РФ) содержат специальные положения, предусматривает, что суды применяют международные договоры Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел.

Важную роль в формировании судебной практики играет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Данный акт сохраняет значение основного разъяснения по вопросам применения международного права российскими судами. Наряду с ним важное значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», конкретизирующее отдельные аспекты использования международно-правовых норм в судебной практике.

*Касательно Казахстана*, Конституция Республики Казахстан 1995 года [Конституция РК (1995), 1995] закрепила в пункте 3 статьи 4 принцип приоритета ратифицированных международных договоров перед законами страны. Данная норма обеспечивала прямую имплементацию ратифицированных договоров в национальный правовой порядок. Между тем, Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года, и вступающая в силу с 1 июля 2026 года, внесла принципиальные изменения в регулирование вопросов международных договоров. Ключевое нововведение закреплено в статье 5 новой Конституции РК: в составе действующего права наряду с нормами Конституции, законов и нормативных постановлений судов теперь прямо упоминаются «международные договорные обязательства Республики Казахстан». При этом принципиально важно, что норма о приоритете ратифицированных международных договоров над национальными законами из текста Конституции исключена. Вместо прежней формулы пункт 3 статьи 5 новой Конституции РК устанавливает: «Порядок действия на территории Республики Казахстан международных договоров определяется законами» [Конституция РК (2026), 2026]. Это означает делегирование вопроса о соотношении международных и национальных норм на уровень обычного законодательства.

Специальным законодательным актом, регулирующим данную сферу, является Закон Республики Казахстан от 30 мая 2005 года № 54-III «О международных договорах Республики Казахстан» [Закон РК № 54-III, 2005]. Особенностью казахстанской модели имплементации является использование в национальном законодательстве понятийного аппарата, во многом совпадающего с терминологией Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Закон Республики Казахстан «О международных договорах» закрепляет дефиниции,

соответствующие международно-правовым стандартам, включая категории «международный договор», «оговорка», «полномочия» и формы выражения согласия на обязательность договора. Такое терминологическое сближение отражает процесс гармонизации национального законодательства с международным договорным правом [Мусин, 2014].

*Сопоставление правовых систем России и Казахстана* в сфере имплементации международных договоров выявляет как общие черты, так и принципиальные различия.

К общим чертам относятся: влияние предшествующей правовой системы, характеризующейся высокой степенью открытости к международному праву; использование механизмов трансформации международных договоров во внутренний правовой порядок посредством специальных законов; закрепление принципа верховенства конституции в системе источников права; а также наблюдаемая в ряде государств тенденция к усилению государственного контроля в вопросах имплементации решений международных органов.

Принципиальные различия состоят в следующем.

Во-первых, Конституция Российской Федерации сохраняет прямую норму о приоритете международных договоров над федеральными законами (ч. 4 ст. 15). В отличие от этого, Конституция Республики Казахстан от 2026 года отказалась от прямого конституционного закрепления приоритета международных договоров над законами, установив, что порядок их действия на территории Республики определяется законами, принимаемыми Курултаем Республики Казахстан. Это свидетельствует о существенной трансформации казахстанской модели соотношения международного и национального права: от конституционно закрепленного приоритета международных договоров к модели, в которой объем, условия и пределы их действия определяются национальным законодателем. Тем самым усиливается государственный контроль над процессом имплементации международных обязательств, расширяются возможности для учета национальных интересов и конституционных приоритетов, а сама модель приобретает более выраженный суверенно-ориентированный характер.

Во-вторых, Россия закрепила в своей Конституции механизм проверки возможности исполнения решений межгосударственных органов через Конституционный Суд Российской Федерации (ст. 79, п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ). Аналогичный механизм также прямо предусмотрен и Конституцией Республики Казахстан 2026 года, так в соответствии с пунктом 3 статьи 75 решения международных организаций и их органов, признанные Конституционным Судом не соответствующими Конституции Республики Казахстан, исполнению не подлежат. Это свидетельствует о сближении российских и казахстанских подходов к обеспечению конституционного суверенитета в сфере исполнения международных обязательств.

В-третьих, различается институциональный механизм судебной имплементации международного права. В России ключевую роль в формировании практики применения международных договоров играют постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и решения Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе по вопросам применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В Казахстане значительную роль в определении конституционных основ имплементации международных договоров играл Конституционный Совет Республики Казахстан, а с 2023 года - Конституционный Суд Республики Казахстан, осуществляющий официальное толкование конституционных норм и контроль за соответствием международных обязательств Конституции.

Таким образом, с компаративной точки зрения можно констатировать, что Россия и Казахстан развиваются в общем направлении – от модели умеренного монизма к модели

«условного» монизма, сочетающего открытость международному праву с конституционно обусловленным «суверенным фильтром». При этом Россия реализует данную модель преимущественно посредством конституционно-судебного контроля, тогда как Казахстан использует комбинированный механизм, включающий как законодательное регулирование порядка действия международных договоров, так и конституционный контроль за исполнением решений международных организаций.

Практика применения международных договоров в обоих государствах выявляет ряд проблем, требующих законодательного решения. В работе, отмечу некоторые из них.

Первая проблема заключается в фрагментарности нормативного регулирования. В России Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» 1995 года не охватывает ряд важных аспектов внутригосударственной реализации международных обязательств: в частности, он не устанавливает специального порядка разрешения коллизий между нормами различных международных договоров, не определяет единых сроков принятия имплементационных актов после ратификации и не предусматривает комплексного механизма мониторинга исполнения договорных обязательств. Схожие проблемы наблюдаются и в Казахстане, где действующий Закон «О международных договорах Республики Казахстан» регулирует главным образом процедурные вопросы договорного процесса, но не содержит детализированной регламентации отдельных способов имплементации и специальных механизмов разрешения коллизий, возникающих в процессе применения международных договоров.

Вторая проблема заключается в отсутствии системного мониторинга имплементации международных обязательств. Ни российское, ни казахстанское законодательство не предусматривает единого нормативно закреплённого механизма, обязывающего государственные органы на регулярной основе проводить комплексную оценку соответствия национального законодательства и правоприменительной практики международным договорным обязательствам. Это может приводить к накоплению своего рода «имплементационного дефицита», при котором ратифицированные международные договоры формально сохраняют юридическую силу, однако их положения реализуются не в полном объеме вследствие отсутствия необходимых внутригосударственных механизмов.

Третья проблема связана с потенциальными коллизиями между нормами международных договоров и конституционными положениями в условиях динамичного развития международного права. В частности, расширение предметной сферы международных договоров, включая регулирование киберпространства, климатических обязательств, реагирования на пандемии, развитие цифровых прав и др., все это формирует новые вызовы для имплементационных механизмов, которые исторически разрабатывались преимущественно применительно к традиционным сферам международного сотрудничества, таким как торговля, дипломатические отношения и защита прав человека.

## Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, правовые системы России и Казахстана демонстрируют сходную тенденцию к усилению конституционного контроля за имплементацией международных договоров. При сохранении монистической основы происходит эволюция в сторону модели конституционно обусловленного (или суверенно-ориентированного) монизма, в рамках которой применимость международных норм ставится в зависимость от их соответствия конституционным основам и

принципам государственного суверенитета.

Во-вторых, конституционные преобразования в России (2020) и Казахстане (2026) свидетельствуют о формировании общей тенденции к укреплению конституционного суверенитета, выражающейся в усилении приоритета национального конституционного правопорядка при сохранении приверженности международным обязательствам. Данная тенденция не является уникальной, поскольку аналогичные процессы наблюдаются и в других странах. В частности «Федеральный конституционный суд Германии являлся основным судебным органом, который наиболее глубоко разработал концепцию национальной конституционной идентичности, в то время как Суд Европейского союза (далее — Суд ЕС) стремился сформировать собственное понимание национальной идентичности, во многом схожее по содержанию. Основное различие между этими подходами заключалось в следующем: Суд ЕС исходил из принципа верховенства права Европейского союза даже по отношению к национальным конституциям, тогда как Федеральный конституционный суд Германии выделял определённые элементы германского конституционного строя, которые не должны быть затронуты или ослаблены в процессе правового развития европейской интеграции» [Szentgáli-Tóth, 2023].

В-третьих, при сохранении конституционной открытости международному праву Россия и Казахстан развивают правовые механизмы, обеспечивающие согласование исполнения международных обязательств и решений международных органов с требованиями национальной конституции и принципами конституционной идентичности государства.

В-четвёртых, законодательство России и Казахстана, регулирующее заключение, исполнение и внутригосударственную реализацию международных договоров, нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом новых конституционных реалий, цифровизации правового регулирования и трансформации современной системы международных отношений.

Наконец, важным направлением совершенствования правового регулирования в обеих странах представляется создание эффективной системы мониторинга имплементации международных договоров, обеспечивающей не только формальное, но и фактическое выполнение международных обязательств, поскольку именно реальное исполнение определяет степень включённости государства в современную систему международного правопорядка.

## Библиография

1. Закон Республики Казахстан от 30 мая 2005 года № 54-III «О международных договорах Республики Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054\\_](https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_).
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001>.
3. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 3. С. 1–12. – URL: [https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Zorkin\\_2017.pdf](https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Zorkin_2017.pdf).
4. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000\\_](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_).
5. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000\\_](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000_).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

7. Красиков Д.В. Взаимодействие международного и российского права в контексте конституционной реформы 2020 года: доктринальные оценки (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 4. С. 138–154. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-mezhdunarodno-go-i-rossiyskogo-prava-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-goda-doktrinalnye-otsenki-obzor> .
8. Мусин К.К. Имплементация норм права международных договоров в национальное законодательство Республики Казахстан // Государственное управление и государственная служба. 2014. № 3. С. 139–144.
9. Осминин Б.И. Реализация международных договорных обязательств в государствах, придерживающихся дуалистической теории // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. – DOI: 10.12737/art.2018.2.6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnyh-dogovornyh-obyazatelstv-v-gosudarstvah-priderzhivayuschih-sya-dualisticheskoy-teorii> .
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»... – URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision201896.pdf> .
11. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_7258/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/) .
12. Kelsen H. Principles of International Law. New York: Rinehart & Company, 1952. 461 p.
13. Szentgáli-Tóth B. A Concept at the Edge of National and European Constitutional Law: Different Understandings within the Same Region. Constitutional Identity in Poland and Hungary // Contemporary Central & East European Law. 2023. Vol. 2. P. 9–31. – DOI: <https://doi.org/10.37232/cceel.2022.02> .
14. Triepel H. Völkerrecht und Landesrecht. Leipzig: C. L. Hirschfeld, 1899. 452 S.

## **Legal Foundations of the Implementation of International Treaties in the Russian Federation: A Comparative Legal Analysis with the Republic of Kazakhstan**

**Alimzhan S. Irzhanov**

Candidate of Legal Sciences,  
Chief Specialist, Center for Public Legislation and Public Administration,  
Institute of Parliamentarism,  
010000, 43, Abaya str., Astana, Republic of Kazakhstan;  
e-mail: [alimzhany@mail.ru](mailto:alimzhany@mail.ru)

### **Abstract**

The article analyzes the legal foundations of the implementation of international treaties in the Russian Federation, taking into account the constitutional amendments of 2020 and current legislation. The aim of the study is to identify the features of the legal regulation of the implementation of international treaties in the Russian Federation and to conduct their comparative legal analysis with the Republic of Kazakhstan. The author explores the transformation of the relationship between international and national law in the Russian legal system, paying special attention to the new constitutional mechanism for verifying the enforceability of decisions of international bodies. A comparative legal analysis with the Republic of Kazakhstan is conducted, including taking into account the new Constitution of the Republic of Kazakhstan of 2026, which allows identifying common trends and national specifics of regulation. The scientific novelty of the research lies in comparing the updated constitutional and legal foundations of the implementation of international treaties in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in light of the latest reforms.

## For citation

Irzhanov A.S. (2026) Pravovye osnovy implementatsii mezhdunarodnykh dogovorov v Rossiyskoy Federatsii: sravnitel'no-pravovoy analiz s Respublikoy Kazakhstan [Legal Foundations of the Implementation of International Treaties in the Russian Federation: A Comparative Legal Analysis with the Republic of Kazakhstan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 665-673. DOI: 10.34670/AR.2026.20.88.080

## Keywords

Implementation, international treaties, Constitution of the Russian Federation, 2020 amendments, Constitution of the Republic of Kazakhstan of 2026, monism, dualism, ratification, legal system.

## References

1. Federal Law No. 101-FZ of July 15, 1995 "On International Treaties of the Russian Federation". (1995). *ConsultantPlus*. Retrieved from [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_7258/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/)
2. Kelsen, H. (1952). *Principles of International Law*. New York: Rinehart & Company.
3. Krasikov, D. V. (2021). Vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i rossiyskogo prava v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 goda: doktrinalnye otsenki (obzor) [Interaction of international and Russian law in the context of the 2020 constitutional reform: doctrinal assessments (review)]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo*, 4, 138-154. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-mezhdunarodno-go-i-rossiyskogo-prava-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-goda-doktrinalnye-otsenki-obzor>
4. Law of the Republic of Kazakhstan No. 54-III of May 30, 2005 "On International Treaties of the Republic of Kazakhstan". (2005). *Adilet*. Retrieved from [https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054\\_](https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_)
5. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of March 14, 2020 "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power". (2020). *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001>
6. Musin, K. K. (2014). Implementatsiya norm prava mezhdunarodnykh dogovorov v natsionalnoe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan [Implementation of international treaty law norms into the national legislation of the Republic of Kazakhstan]. *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba*, 3, 139-144.
7. Osminin, B. I. (2018). Realizatsiya mezhdunarodnykh dogovornykh obyazatelstv v gosudarstvakh, priderzhivayushchikhsya dualisticheskoy teorii [Implementation of international treaty obligations in states adhering to the dualistic theory]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2. <https://doi.org/10.12737/art.2018.2.6>
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P of July 14, 2015. (2015). Retrieved from <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision201896.pdf>
9. Szentgáli-Tóth, B. (2023). A concept at the edge of national and European constitutional law: Different understandings within the same region. Constitutional identity in Poland and Hungary. *Contemporary Central & East European Law*, 2, 9-31. <https://doi.org/10.37232/cceel.2022.02>
10. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum of August 30, 1995). (1995). *Adilet*. Retrieved from [https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000\\_](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_)
11. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum of March 15, 2026). (2026). *Adilet*. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000>
12. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments approved on July 1, 2020). (1993). *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
13. Triepel, H. (1899). *Völkerrecht und Landesrecht* [International law and national law]. Leipzig: C. L. Hirschfeld.
14. Zorkin, V. D. (2017). Konstitutsionnaya identichnost Rossii: doktrina i praktika [Constitutional identity of Russia: doctrine and practice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 3, 1-12. Retrieved from [https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Zorkin\\_2017.pdf](https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Zorkin_2017.pdf)